

К.С. Кондратьева, И.А. Стерлягов

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Рассматривается вопрос становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в различных правовых системах с целью определения возможности ее применения при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) в России. Невозможность рецепции доктрины «прокалывания корпоративной вуали», являющейся процессуальным инструментом в прецедентной правовой системе, обусловлена ограниченным набором полномочий судов, относящихся к континентальной правовой семье, которые не вправе самостоятельно создавать нормы права.

Ключевые слова: банкротство; юридические лица; субсидиарная ответственность; корпоративные отношения; снятие корпоративной вуали.

Доктрина «прокалывания корпоративной вуали» зародилась в Великобритании. Дело *Salomon V. Salomon* 1897, возникшее изначально по иску кредитора компании по производству обуви и носившее название *Broderip v Salomon* 1895, считается положившим начало дискуссии о возможности преодоления имущественной обособленности юридического лица ввиду нанесения ущерба кредиторам путем злоупотреблениями бенефициаров [1].

Суд первой инстанции, удовлетворяя иски требования, указал, что схема, позволяющая господину Саломону вести бизнес от имени компании с ограниченной ответственностью, вопреки смыслу Закона о компаниях 1862 г., противоречит целям законодателя и является средством обмана кредиторов.

Палата лордов, однако, отменила вышеуказанное решение и единогласно постановила, что, поскольку компания была должным образом зарегистрирована, она является независимым лицом с соответствующими ей правами и обязанностями.

Судьи Высшей инстанции указали на необходимость учитывать, что юридическое лицо обладает автономией воли, а кредиторы, заключившие сделки с фирмой господина Саломона, понимали, что договариваются с компанией, а не физическим лицом. Компания не утрачивает своей правоспособности даже в случае ее учреждения одним акционером.

Решение по делу *Salomon V. Salomon* вызвало изменение в законодательстве о банкротстве. В 1897 г. по требованиям «льготных» кредиторов – сотрудников им был предоставлен приоритет перед иными кредиторами по налоговым платежам.

В дальнейшем английские суды неоднократно указывали на необходимость различать акционерную компанию и ее владельцев (даже в случае единоличного владения), в отсутствие доказательств того, что компания являлась фиктивной или «ширмой» для своего владельца [2–4].

Таким образом, в Великобритании суды акцентировали внимание на традиционных концепциях общего права и доктрине фидуциарных обязанностей управляющих: обязанность лояльности (*the duty of loyalty*), обязанность проявлять заботливость и осмот-

рительность (*the duty of care*) и обязанность действовать добросовестно (*the duty of good faith*) [5].

Знаковым делом, характеризующим современное положение доктрины «прокалывания», является кейс *Lungowe v Vedanta Resources plc*, рассмотренный Верховным Судом Великобритании. Граждане Замбии, проживающие в провинции Чингола, в июле 2015 г. обратились к компании *Konkola Copper Mines plc* («КСМ»), ведущей разработку медного месторождения Нчанга, и ее материнской компании – *Vedanta Resources Plc*, зарегистрированной в Великобритании, с исковыми требованиями о возмещении вреда, вызванного сбросом токсичных отходов в реку, из которой жители провинции Чингола черпали воду для орошения сельскохозяйственных земель и бытовых нужд.

Истцы считали, что материнская компания – *Vedanta Resources Plc* обязана была контролировать добычу «КСМ» полезных ископаемых и ее ответственное отношение к окружающей среде и Обществу Замбии. В связи с чем перед Верховным Судом Великобритании стояло сразу два вопроса: несет ли ответственность материнская компания и подсудно ли дело для рассмотрения британским судом?

Верховный Суд, рассмотрев дело 10 апреля 2019 г., указал, что прямое или косвенное владение не может рассматриваться как безусловное основание для возложения на материнскую компанию ответственности за деятельность дочернего общества. Все зависит от степени вмешательства и контроля материнской компании соответствующих операций (включая землепользование) дочерней компании.

Суд посчитал, что, согласно рассмотренным материалам, *Vedanta* взяла на себя ответственность за поддержание надлежащих стандартов экологического контроля за деятельностью своих дочерних компаний, в частности операций на руднике, реализацию стандартов по обучению, мониторингу и обеспечению их соблюдения, и после изучения соответствующих внутренних документов можно судить об ответственности материнской компании холдинга перед истцами, в случае нарушения фидуциарных обязанностей по отношению к «КСМ» [6].

При этом Верховный Суд признал Великобританию надлежащим местом для проведения данного судебного разбирательства, в связи с невозможностью истцов добиться надлежащего уровня правосудия в Замбии, приняв во внимание особенности финансирования и отсутствия опытных юридических образований для судебного сопровождения дел такого размера и сложности.

Решение Верховного Суда Великобритании создало важный прецедент в пользу истцов, не имеющих возможности на справедливое возмещение вреда, нанесенного компанией, действующей в интересах материнской организации из иностранной юрисдикции, и напомнило о необходимости установления наличия деликта при решении вопроса об ответственности материнской компании.

Термин «piercing the corporate veil» применил Морис Уормсер, профессор права Нью-Йоркского юридического института. Посвятив свою деятельность изучению природы корпораций и корпоративных взаимоотношений, он в 1912 г. сравнил управляющих и акционеров, применяющих корпоративную вуаль, с «вороватыми волками, будь те в корпоративном одеянии бабушки Красной Шапочки или в своих собственных мохнатых шкурах» [7. Р. 496].

В 1931 г. этот же автор в книге «Frankenstein, Incorporated», отмечая стремительное развитие концепции ограниченной ответственности и ее положительное влияние на американскую экономику, обратил внимание на возникшие проблемы номинальных корпораций, фиктивных акционеров и директоров, субинфундацию материнских и дочерних компаний [8. С. 242].

Американское право, формировавшееся на фундаменте английской правовой системы, тем не менее, претерпело изменения. Консолидация и систематизация законодательства («общего права») происходили на уровне штатов, которые являются суверенными государственными образованиями. Согласно положениям ст. VI Конституции США, действует принцип верховенства федерального права относительно нормативно-правовых актов штатов [9. С. 55]. При этом Верховный Суд США разрешает коллизии, возникшие в ходе рассмотрения споров на уровне судов штатов и формирует доктринальное толкование права.

В 1888 г. в Штате Нью-Джерси принят закон, предоставляющий право компаниям на перекрестное владение акциями, при этом компании сохраняли ограниченную ответственность в условиях централизации коммерческих и руководящих функций. Таким образом, право Нью-Джерси позволяло нивелировать действие более позднего Акта Шермана 1890 г., ограничивающего монопольную торговлю («антитрестовский закон»).

Однако в 1904 г. Правительству США пришлось столкнуться с жизненно важным вопросом о возможности управления гигантскими корпорациями, фактически монополизировавшими секторы экономики.

Первым делом стало Northern Securities Co. v. United States. Компания в результате агрессивной политики на бирже при банковской поддержке монопо-

лизировала железнодорожные перевозки в западной части Соединенных Штатов. В 1902 г. против Northern Securities было возбуждено антимонопольное дело, в результате рассмотрения которого, в 1904 г. Верховный Суд США принял решение распустить компанию. В Верховном Суде адвокаты утверждали, что только Нью-Джерси может регулировать деятельность корпорации в Нью-Джерси, так как операции с ценными бумагами не осуществляются в рамках торговли между штатами.

Необходимо отметить, что решение было вынесено не единогласно: пять против четырех. Судья Холмс, к которому присоединились судьи Фуллер (на тот момент Главный судья Соединенных Штатов), Уайт, Пекхэм, выразили несогласие. Несогласие Холмса включало в себя знаменитый отрывок: «Великие дела, такие как трудные дела, порождают плохой закон. Ведь великие дела называются великими не по причине их реальной важности в формировании закона будущего, но по причине некоторой случайности, вызвавшей непреодолимый интерес, который апеллирует к чувствам и искажает суждение» [10].

В 1929 г. Йельский юридический журнал опубликовал статью Уильяма Дугласа и Кэрола Шанкса «Изоляция от ответственности через дочерние корпорации», в которой был разобран широко распространенный кейс на примере создания такой структуры отдельной сети, где на балансе у дочерней малоизвестной компании находится здание отеля, таким образом на нее возложено налоговое бремя и бремя содержания, а материнской (титульной) компания выступает именем для привлечения клиентов. Подобная схема имела следующие особенности: во-первых, о существовании дочерней компании никому неизвестно, что затрудняло предъявление к ней исков в случае нанесения ущерба отелем; во-вторых, работодателем сотрудников была материнская компания.

Кроме того, дочерняя компания являлась постоянным должником материнской, а материнская компания получала всю прибыль дочерней корпорации. Такая схема ведения бизнеса наносила вред независимым кредиторам, у которых имелись искивые требования к дочерней компании [11. С. 309].

Статья была написана в год начала Великой депрессии. В условиях сокращения выручки, отсутствия заказов, ложной социальной обстановки, кредиторы заостряют внимание на причинах неплатежеспособности должника.

Правоведы США, исследующие проблему применения доктрины «прокалывания корпоративной вуали», в 2006 г. провели анализ около 3 тыс. дел и пришли к выводу, что суды прибегали к ней в 48,51% случаев [12. С. 89].

Практика применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в Германии может рассматриваться как полезный опыт для российского права, в силу принадлежности обоих государств к романо-германской правовой семье.

Рассмотрим теоретические обоснования «пронизывающей ответственности» ученых немецкой правовой школы. Теория субъективного злоупотребления, предложенная Р. Серик, состоит в том, что

учредитель (участник) юридического лица в случае использования им корпоративной формы для обхода закона или умышленного причинения вреда третьим лицам, т.е. при злоупотреблении, несет ответственность по обязательствам этого юридического лица. В. Мюллером-Фрайнфельсом разработана теория нарушения основополагающих целей закона. Следуя теории, можно говорить о том, что соблюдение принципа ограниченной ответственности юридического лица должно соответствовать основополагающим целям закона (а именно – достижение справедливости) и не нарушать их. В случае нарушения, принцип ограниченной ответственности юридического лица не должен быть применен. Продолжением теории нарушения основополагающих целей закона может служить позиция Э. Рехбиндера, который утверждал, что слепое следование принципу ограниченной ответственности юридического лица нарушало бы правовую систему в целом [13. С. 169].

Регулирование ответственности материнского общества по обязательствам дочернего в Германии заключалось в Законе об акционерных обществах 1965 г. Данным нормативно-правовым актом закреплены принципы, направленные на защиту от конфликта интересов дочернего предприятия и мажоритарного акционера, а также возмещения убытков кредиторам зависимого общества, вызванных действиями господствующей компании.

По мнению С.А. Будылина и Ю.Л. Иванец, история развития «прокалывания корпоративной вуали» насчитывает три этапа: ранняя судебная практика, изменение практики, современное состояние вопроса [14. С. 120–122].

В немецком праве «пронизывающая, проникающая ответственность» обозначается термином «Durchgriffshaftung». По причинам развитости норм немецкого корпоративного права и высокого уровня защиты кредиторов, «пронизывающая ответственность» в Германии получила толчок к развитию в 1990-е гг., гораздо позднее, чем в странах англосаксонского права. Также «позднее» развитие связано с тем, что право концернов, известное как право контролируемых компаний (Konzernrecht), кодифицировано в Германии, включает в себя конечную схему, устанавливающую статус отдельных компаний – участников группы [15. С. 127]. Кроме того, при рассмотрении споров по исследуемой категории германские суды в качестве основы для решений берут действующее законодательство, а не судебные прецеденты [16. С. 21].

На первом этапе ключевыми для развития стали дела Autokran и Tiefbau, разрешенные Верховным Судом Германии. Указанные компании являлись компаниями с ограниченной ответственностью, поэтому судом были применены по аналогии положения ст. 302 Закона об акционерных обществах (о компенсации доминирующим предприятием убытков подчиненного общества) [12. S. 169]. Кроме того, судом введено понятие «специальная группа де-факто» (qualifizierter faktischer Konzern), которое означает, что доминирующее предприятие оказывает долго-

срочное и всеобъемлющее воздействие на подчиненное общество.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наблюдается изменение судебной практики, можно говорить о втором этапе в развитии института «пронизывающей ответственности». Германские суды при привлечении к ответственности контролирующих корпорацию лиц применяют основание – концепцию разрушительного вмешательства (existenzvernichtender Eingriff), а не идею неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern). Дело Vulkan является знаковым для данного этапа: Верховный Суд осуществил юридическую квалификацию действий директоров материнской компании как «разрушительное вмешательство» в дела общества. В результате действий директоров дочерняя компания не имела возможности сохранить активы, а лишалась их и переставала исполнять свои обязательства перед третьими лицами. Суд отправил дело на новое рассмотрение.

Можно сделать вывод, что новая концепция образовалась под влиянием института злоупотребления правом и стала его частью. Параграф 226 Германского гражданского уложения [17] аналогичен ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [18] и устанавливает запрет использования участниками гражданских правоотношений своих прав исключительно с целью причинения вреда другому лицу. Параграф 242 Германского гражданского уложения закрепляет необходимость добросовестного исполнения обязательства. Данный принцип нашел свое отражение в ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации [18].

Дело KBV GmbH интересно тем, что суд указал на злоупотребление ими корпоративной формой юридического лица при привлечении к личной ответственности участников.

В 2007 г. в деле TriHotel Верховный Суд Германии изменил концепцию злоупотребления права, при этом не отказываясь полностью от идеи ответственности участников за «деструктивное вмешательство». В соответствии с новым подходом рассматриваемую доктрину невозможно рассматривать и применять как самостоятельное, отдельное основание ответственности, она представляет собой разновидность деликта, регулируемого Германским гражданским уложением. Новый подход предоставляет возможность подать иск о привлечении к ответственности за «деструктивное вмешательство» одновременно с иском о возврате средств в капитал общества [15. С. 22].

Таким образом, накопленный Верховным Судом Германии опыт по привлечению к ответственности и «прокалыванию корпоративной вуали» нашел отражение в параграфе 826 Германского гражданского уложения. Так, К.А. Батыршина рассматривает положение параграфа 826 Германского гражданского уложения, которое представляет собой общую норму деликтного права об ответственности за умышленное причинение вреда противным добрым нравам образом (in einer gegen die guten Sitten verstossenden Weise). Германский суд применяет данную норму как альтернативное основание для ответственности участника перед кредитором общества [9. С. 87].

Рассмотренные стадии развития института «прокалывания корпоративной вуали» и сопутствующих доктрин позволяют резюмировать, что суды избегают необоснованного вмешательства в принципы ограниченной ответственности и автономии воли, являющиеся краеугольными камнями в развитии деловой активности.

Представляется, что институт ответственности контролирующих лиц при банкротстве прошел длинный путь становления: от этапа неприятия ответственности акционера более, чем его вклад в уставный капитал до этапа неприятия судами опоры на формальные критерии, при наличии признаков мошеннических действий управляющих, направленных на преднамеренное банкротство, в условиях личной выгоды, наносящих вред кредиторам.

Рассмотрим проблемы применения доктрины «прокалывания корпоративной вуали» в современном праве. Отметим, что в настоящее время теоретики говорят о новом витке развития доктрины [19. С. 52]. Предпосылкой для такого «оживления» является широкая и разнообразная судебная практика. Разбирая дело *Beckett Investment Management Group v. Hall* о контрактных отношениях между компанией-наемателем и бывшими работниками в части положения о неконкуренции, апелляционный суд «снял» корпоративную вуаль между дочерней и материнской компаниями для установления факта нарушения условий контракта бывшими работниками дочерней корпорации [20]. Также Палатой лордов было рассмотрено дело *Stone & Rolls v. Moore Stephens*. Суд, рассматривая исковое заявление кредиторов против аудиторской компании, не усмотревшей мошеннических действий единственного акционера и директора *Stone & Rolls*, был вынужден признать, что компания не являлась самостоятельным юридическим лицом, а директор был «волей и разумом» компании [21].

На данный момент можно выделить пять законодательных исключений из принципа ответственности компании только в рамках уставного капитала:

- ежегодная подача в Государственный реестр компаний корпоративной отчетности (*annual return*) группы компаний, содержащей информацию об участниках компаний и их основной деятельности;
- дела по искам о неосновательно нанесенном ущербе при принятии решений мажоритарным акционером не в интересах общества или остальных акционеров;
- обман кредиторов при ликвидации компании. При установлении судом факта обмана кредиторов, направленного на нанесение им ущерба, он может обязать лицо, пытавшееся совершить обман, накапливать компанию;
- директор или уполномоченное лицо будет нести ответственность перед держателем чека компании, в случае признания компанией сделки по выдаче чека недействительной (отказа осуществить платеж) и выявленном факте неверного указания наименования компании;
- последнее законодательное изъятие – при невыполнении компанией сделки, заключенной ранее по-

лучения компанией сертификата, подтверждающего факт размещения компанией акционерного капитала. В этом случае директора несут солидарную ответственность [5].

Перспективы применения доктрины в праве Великобритании некоторые ученые предлагают оценить при помощи обращения к теории цикличности, предполагая возникновение исключений из общего принципа ограниченной ответственности в связи с развитием альтернативного этапа корпоративного права [9. С. 54].

В Соединенных Штатах Америки также распространено широкое применение доктрины. Кроме того, развитие обеспечивается в зависимости от штата применения или формы злоупотребления.

В 1931 г. Ф. Пауэллом разработан *two-prongtest* (двухэлементный тест), который требует следующих обстоятельств для доказывания «проникновения»:

- установление фактов, указывающих на учреждение акционерами корпорации в качестве «инструмента» для ведения хозяйственной деятельности при игнорировании автономности воли юридического лица (на это могут указывать недостаточная капитализация, несоблюдение корпоративных формальностей, невыплата дивидендов, отсутствие трудоустроенных сотрудников и т.д.);
- использование компании для совершения противоправных действий, направленных на обман и злоупотребление правом (признаки: неплатежеспособность при заключении сделок контрагентами, «откачивание» средств доминирующим акционером, использование корпорации как фасада для отдельных сделок) [22. С. 54].

Так, в деле *Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co.*, 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979) суд, признавая необходимость рассматривать корпорацию как «альтер-эго» ответчика, указал, что ее мажоритарный акционер не проводил четкого разграничения между собственностью, принадлежащей ему как физическому лицу, и собственностью корпорации. Таким образом, он позволял корпорации включать в налоговые декларации отчисления на амортизацию собственного имущества, уменьшая налогооблагаемую базу. При этом корпорация не осуществляла выплату арендной платы за использование имущества ответчика, а акционер перечислял в свой адрес денежные средства при отсутствии на то оснований в условиях неплатежеспособности компании [23].

На практике суды зачастую используют упрощенный вариант доктрины «прокалывания корпоративной вуали», поскольку классический тест требует скрупулезного анализа фактических обстоятельств, что приводит к бесконечной неразберихе в этой сфере. Практической альтернативой ему часто становится так называемый однофакторный тест (*single-factor doctrine*), согласно которому нужно установить всего один из следующих фактов (которые характеризуют две разновидности данного подхода), при условии, что он носит «вопиющий» характер: нарушение принципа разделения (*lack of separate identity*) либо использование корпорации для совершения обманных, а равно и других неправомерных целей [24. С. 73].

В американском праве судебная практика обращения к доктрине «снятия корпоративной вуали» формируется индивидуально для каждого штата, ее применение не однообразно, а количество вопросов, включаемых судами в тесты для «прокалывания», может достигать до 25.

После рассмотрения Верховным Судом Германии дела *TriHotel* (2007), в вопросе развития концепции «снятия корпоративной вуали» в немецком правоприменении не отмечалось каких-либо изменений. Истцы, рассчитывающие получить удовлетворение своих требований, должны доказать факт злоупотребления мажоритарной компанией корпоративной формой юридического лица, которая в случае удовлетворения иска возместит убытки дочернему предприятию.

Следует согласиться с мнением А.Н. Беляевой о том, что настоящее время в Германии суды при принятии решения о «снятии корпоративной вуали» опираются на установление фактов недостаточной капитализации, смешении активов, несоблюдении корпоративных формальностей [25. С. 67]. В результате становится очевидным сходство критериев применения доктрины в Соединенных Штатах Америки и Германии.

По мнению В.Г. Крылова, в современном немецком правосудии действует тенденция: суд старается не применять доктрину, пока это возможно. Любая попытка приподнять завесу посягает на основной принцип построения корпорации, суть которого в том, что компания является юридическим лицом, которое отделено от своих участников, и возможности найти теоретическое обоснование для исключения из этого принципа, вероятно, не существует [15. С. 5].

Данный подход немецких судов к применению доктрины соответствует общепринятому подходу правоприменителей, независимо от правовой семьи.

В Российской Федерации доктрина «прокалывания корпоративной вуали» законодательно не закреплена, однако на практике существуют случаи обращения к ней арбитражных судов, например в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 [26], решении Арбитражного суда Красноярского края от 15.02.2012 по делу № А33-18291/2011 [27], решении Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32-1966/2014 [28].

Часть научного сообщества (А.А. Иванов, И.Ф. Колонтаевская, Т.П. Подшивалов) рассматривают доктрину «прокалывания корпоративной вуали» как положительный пример установления бенефициаров бизнеса и оценки причиненного ущерба, вызванного недобросовестным поведением контролирующих должника лиц.

Внесенные Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ [29] изменения в Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» направлены прежде всего на недопустимость неконтролируемого применения и ссылки на какую-либо доктрину для установления справедливости и исключения незаконного использования института ограниченной ответственности и соответствуют

правовой системе государства, воспринимающей источниками права нормативно-правовые акты. Так, главой III.2 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» [30] установлено понятие контролирующего должника лица, обозначены четкие критерии контроля и обстоятельства, презюмирующие нанесение вреда кредиторам. В этой реакции российское право проявило сходство с немецким подходом к решению проблемы.

Представляется, что правовой основой применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России должна являться норма Гражданского кодекса Российской Федерации о злоупотреблении правом. Но при этом судам необходимы четкие указания относительно того, что именно подлежит доказыванию в подобных делах. Важно подчеркнуть обязательность доказывания двух элементов: во-первых, наличие контроля и, во-вторых, наличие злоупотребления корпоративной формой. Формулировки соответствующего документа необходимо вырабатывать, учитывая российскую правовую терминологию, а критерии применения доктрины – учитывая богатый зарубежный опыт. В этой связи опыт Германии, где взаимоотношения аффилированных обществ закреплены на законодательном уровне, представляет для России, как страны континентальной правовой системы, особый интерес [12. С. 169].

С развитием судебной практики, складывающейся в условиях растущего числа «контролируемых» банкротств, у судов сложилось критическое отношение к представляемым аффилированными кредиторами «идеальным» доказательствам наличия кредиторской задолженности.

При представлении независимыми кредиторами или конкурсным управляющим доказательств, указывающих на корпоративный характер заявленного участником требования, на последнего переходит бремя по опровержению соответствующего довода путем доказывания гражданско-правовой природы обязательства.

Эта позиция, высказанная Верховным Судом Российской Федерации в определении от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014 [31], стала основой для последующего рассмотрения судами требований кредиторов, аффилированных к должнику.

До этого Верховный Суд Российской Федерации в определении от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 [32] обратил внимание на то, что доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допустимо не только через подтверждение аффилированности юридической (в частности, принадлежность лиц к одной группе компаний через корпоративное участие), но и фактической.

В определении Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2017 г. № 301-ЭС17-4784 [33] суд указал на возможность совпадения в условиях банкротства ответчика и «дружественного» кредитора в судебном споре, которые могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу

фиктивной сделки. Скрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Таким образом, за несколько лет сложилась тенденция повсеместного отказа для включения требований аффилированных к должнику кредиторов в реестр требований кредиторов, и Верховный Суд Российской Федерации в определении № 304-ЭС18-14031 [34] разъяснил, что действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. Кроме того, тот факт, что участник должника является его заимодавцем, сам по себе не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату суммы займа для целей банкротства.

Итогом нарастающего числа споров о возможности или невозможности включения в реестр требований кредиторов должника требований участников (акционеров), руководителей и заинтересованных лиц явился «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утвержденный Верховным Судом Российской Федерации 29 января 2020 г. [35]. Обзор систематизировал случаи рассмотрения требований заинтересованных лиц и установил возможность понижения очередности удовлетворения требований лица, предоставившего финансирование в условиях кризисной для компании ситуации, в случае если это лицо являлось контролирующим или действовало под влиянием контролирующего лица (компенсационное финансирование).

Так, российское право переняло опыт Германии, правовой порядок которой также допускает субординацию

требований акционеров и аффилированных с ними лиц, а также перешедших прав требований по ним.

Подводя итог рассмотрению возможности внедрения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) в России, необходимо отметить, что в связи с нахождением в романо-германской правовой семье, немецкий подход к «разрушительному вмешательству» в бизнес-процессы корпорации отразился на развитии концепции отечественного права по борьбе с недобросовестными практиками ведения дел, наносящих ущерб предприятию и его кредиторам. Невозможность рецепции доктрины «прокалывания корпоративной вуали», являющейся процессуальным инструментом в прецедентной правовой системе, обусловлена ограниченным набором полномочий судов, относящихся к континентальной правовой семье, которые не вправе самостоятельно создавать нормы права.

Анализ судебной практики рассмотрения споров, связанных с недобросовестными действиями акционеров, позволяет полагать, что суды могут обратиться к доктрине «снятия корпоративной вуали» как к процессуальному инструменту, вне зависимости от категории спора. Так, актуальной группой споров, в которых применяется доктрина, являются споры, возникающие из трудовых отношений.

Вследствие возникновения и развития доктрины «прокалывания корпоративной вуали» в прецедентной системе права, авторы считают невозможной рецепцию доктрины отечественным правом.

Перспективным направлением развития института ответственности контролирующих должника лиц представляется детализация и легальное закрепление норм оценки деятельности контролирующих должника лиц в докризисный период на предмет доведения корпорации до банкротства и в период имущественного кризиса на предмет докапитализации компании и сохранения ее активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Salomon v. Salomon & Co Ltd [1897] AC 22. URL: https://www.trans-lex.org/310810/_/salomon-v-salomon-co-ltd-%5B1897%5D-ac-22/ (дата обращения: 30.03.2020).
2. Macaura v Northern Assurance Co Ltd [1925] AC 619. URL: <https://www.explore-law.com/macaura-v-northern-assurance/> (дата обращения: 21.04.2020).
3. Lee v Lee's Air Farming Ltd [1960] UKPC 33. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b2897cf2c94e06b9e19b798> (дата обращения: 21.04.2020).
4. Farrar v Farrars Ltd., (1888) 40 ChD 395. URL: [https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (дата обращения: 21.04.2020).
5. Англичане поделились в ВАС РФ своим опытом срывания вуалей // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20130211/266372585.html (дата обращения: 10.02.2020).
6. Vedanta Resources PLC and another (Appellants) v Lungowe and others Respondents). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0185-judgment> (дата обращения: 24.4.2020).
7. Wormser I.M. Piercing the Veil of Corporate Identity. 12 Columbia L. Rev., 1912. P. 496.
8. Wormser I.M. Frankenstein, Incorporated. New York : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, inc., 1931. 242 p.
9. Батыршина К.А. Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
10. Информационные бюллетени Findlaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/193/197.html>
11. Douglas W.O., Shanks C.M. Insultation From Liability Through Subsidiary Corporations // The Yale Law Journal. 1929. Vol. 39, Is. 2. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/ylj/vol39/iss2/2>
12. Peter B.Oh. Veil-Piercing. Texas Law Review, 2010. S. 169.
13. Беляева А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99).
14. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 120–122.

15. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М. : Волтерс Клувер, 2010. 400 с.
16. Крылов В.Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. № 1.
17. Российский правовой портал. URL: <https://constitutions.ru/?p=1727> (дата обращения: 20.02.2020).
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
19. Невская И., Стюарт Е. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в английской и российской правоприменительной практике // Слияния & Поглощения. 2012. № 11 (117).
20. Beckett Investment Management Group v. Hall. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/613.html> (дата обращения: 30.03.2020).
21. Stone & Rolls v. Moore Stephens. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac426> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Powell F.J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago, 1931.
23. Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co., 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979) URL: <https://law.justia.com/cases/minnesota/supreme-court/1979/49015-1.html>
24. Быканов Д.Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России. // Закон. 2014. № 7.
25. Беляева А.Н. Особенности применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в странах континентальной правовой системы на примере Германии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 1. 64–68.
26. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // СПС КонсультантПлюс.
27. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 15.02.2012 по делу № А33-18291/2011 // СПС КонсультантПлюс.
28. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32-1966/2014 // СПС КонсультантПлюс.
29. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4815.
30. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014 // СПС КонсультантПлюс.
32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС КонсультантПлюс.
33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784 по делу № А38-1381/2016 // СПС КонсультантПлюс.
34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.12.2018 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС КонсультантПлюс.
35. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС КонсультантПлюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 сентября 2020 г.

Perspectives in Applying the Doctrine of “Piercing the Corporate Veil” in Cases of Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in the Russian Federation: A Comparative Legal Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 224–231.

DOI: 10.17223/15617793/462/27

Ksenya S. Kondrateva, Higher School of Economics – Perm Branch (Perm, Russian Federation). E-mail: kcenua-9@mail.ru

Ilya A. Sterlyagov, Perm Krai Office of the Federal Tax Service of Russia (Perm, Russian Federation). E-mail: foxik25@mail.ru

Keywords: bankruptcy; legal entities; subsidiary liability; corporate relations; piercing of corporate veil.

The article discusses the issue of the formation of the doctrine of “piercing the corporate veil” in various legal systems in order to determine the possibility of its application when bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in case of insolvency (bankruptcy) in Russia. In the study, general and specific methods of cognition were used: retrospective, historical, logical, and comparative legal. Methods of logical analysis and dialectics were applied, which together with the seeming contradictions of a significant number of scholarly views allow concluding about their unity and constructiveness. It has been established that, in order to use the “piercing” doctrine as a procedural tool to ignore the property isolation of a legal entity, the courts conduct multi-stage tests to justify the need for such use and prove the exclusivity of the case in question. The importance of the legislative introduction of the concept “person controlling the debtor” is noted in connection with the use of corporate structures and forms of informal control, as well as clear criteria for control and circumstances that presume harm to creditors. Based on the analysis of judicial practice, conclusions were drawn about the main ways of abuse of rights when using corporate governance. The question of the possibility of including the claims of participants (shareholders), company managers and interested parties in the register of claims of the debtor’s creditors is problematic in judicial practice. It is concluded that, due to being in the same legal family, the approach of German law enforcement officers to piercing the corporate veil, better known as responsibility for “destructive interference” in the affairs of society, and to recovering damage caused to creditors under the current legislation is close to Russian law. In this connection, the practice of applying the doctrine in Germany can be regarded as a useful experience for Russian law. Taking into account the precedent legal nature of the doctrine of “piercing the corporate veil”, the authors come to the conclusion that it is impossible to borrow it by domestic law. At the same time, Russian law, the main source of which is normative legal acts, if necessary, selects current trends in ways of solving problems that meet the needs of society and the legal community.

REFERENCES

1. Trans-Lex. (1897) *Salomon v. Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22. [Online] Available from: https://www.trans-lex.org/310810/_salomon-v-salomon-co-ltd-%5B1897%5D-ac-22/ (Accessed: 30.03.2020).
2. Explore Law. (1952) *Macaura v Northern Assurance Co Ltd* [1925] AC 619. [Online] Available from: <https://www.explore-law.com/macaura-v-northern-assurance/> (Accessed: 21.04.2020).
3. Casemine. (1960) *Lee v Lee’s Air Farming Ltd* [1960] UKPC 33. [Online] Available from: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b2897cf2c94e06b9e19b798> (Accessed: 21.04.2020).
4. Practical Law. (1888) *Farrar v Farrars Ltd.*, (1888) 40 ChD 395. [Online] Available from: [https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (Accessed: 21.04.2020).

5. Russian Agency for Legal and Judicial Information. (2013) *Anglichane podelilis' v VAS RF svoim opytom sryvaniya vualey* [The British shared their experience of piercing veils at the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/international_publication/20130211/266372585.html (Accessed: 10.02.2020).
6. UK Supreme Court. (2017) *Vedanta Resources PLC and another (Appellants) v Lungowe and others Respondents*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0185-judgment> (Accessed: 24.04.2020).
7. Wormser, I.M. (1912) Piercing the Veil of Corporate Identity. *Columbia L. Rev.* 12.
8. Wormser, I.M. (1931) *Frankenstein, Incorporated*. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, inc.
9. Batyrschina, K.A. (2018) *Zakonodatel'noe regulirovaniye i primeneniye doktriny "snyatiya korporativnoy vuali" v rossiyskom prave i prave zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Legislative regulation and application of the doctrine of "piercing the corporate veil" in Russian law and the law of foreign countries: Comparative legal analysis]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. FindLaw. (1904) *NORTHERN SECURITIES CO. v. U.S.* (1904) No. 277. [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/193/197.html>.
11. Douglas, W.O. & Shanks, C.M. (1929) Insulation From Liability Through Subsidiary Corporations. *The Yale Law Journal.* 39 (2). [Online] Available from: <https://digitalcommons.law.yale.edu/ylj/vol39/iss2/2>
12. Peter, B.Oh. (2010) Veil-Piercing. *Texas Law Review.* 81.
13. Belyaeva, A.N. (2016) The doctrine of "piercing the corporate veil" as an exception to the principle of limited liability of legal entity. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal.* 8 (99). (In Russian).
14. Budylin, S.L. & Ivanets, Yu.L. (2013) Sryvaya pokrov. Doktrina snyatiya korporativnoy vuali v zarubezhnykh stranakh i v Rossii [Tearing off the covers. The doctrine of piercing the corporate veil in foreign countries and in Russia]. *Vestnik VAS RF.* 7. pp. 120–122.
15. Fedchuk, V.D. (2010) *De facto zavisimost' de jure nezavisimyykh yuridicheskikh lits: proniknoveniye za korporativnyy zhanaves v prave vedushchikh zarubezhnykh stran* [De facto dependence of de jure independent legal entities: Piercing the corporate veil in the law of leading foreign countries]. Moscow: Volters Kluver.
16. Krylov, V.G. (2014) Doktrina snyatiya korporativnoy vuali v Germanii [The doctrine of piercing the corporate veil in Germany]. *Grazhdanskoe pravo.* 1.
17. *Russian law portal.* [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=1727> (Accessed: 20.02.2020). (In Russian).
18. Russian Federation. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)* ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019, s izm. Ot 12.05.2020) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019, as amended on 12.05.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 32. Art. 3301.
19. Nevskaya, I. & Styuart, E. (2012) Doktrina "snyatiya korporativnoy vuali" v angliyskoy i rossiyskoy pravoprimenitel'noy praktike [Doctrine of piercing the corporate veil in British and Russian Law Enforcement Practice]. *Slyaniya i Pogloshcheniya.* 11 (117).
20. Bailii. (2007) *Beckett Investment Management Group v. Hall.* [Online] Available from: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/613.html> (Accessed: 30.03.2020).
21. Casemine. (2007) *Stone & Rolls v. Moore Stephens.* [Online] Available from: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac426> (Accessed: 30.03.2020).
22. Powell, F.J. (1931) *Parent and Subsidiary Corporations*. Chicago: Callaghan.
23. Justitia: US Law. (1979) *Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co., 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979).* [Online] Available from: <https://law.justia.com/cases/minnesota/supreme-court/1979/49015-1.html>.
24. Bykanov, D.D. (2014) Snyatie korporativnoy vuali po pravu SSHa, Niderlandov i Rossii [Piercing the corporate veil under the laws of the United States, the Netherlands, and Russia]. *Zakon.* 7.
25. Belyaeva, A.N. (2017) The features of doctrine of "piercing the corporate veil" in continental legal system using the example of Germany. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo.* 1. 64–68. (In Russian).
26. Consultant.ru. (2012) *Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 24, 2012, No. 16404/11 in Case No. A40-21127/11-98-184.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
27. Consultant.ru. (2012) *Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai of February 15, 2012, in Case No. A33-18291/2011.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
28. Consultant.ru. (2014) *Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai of August 06, 2014, in Case No. A32-1966/2014.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
29. Russian Federation. (2017) O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" i Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh": Federal'nyy zakon ot 29.07.2017 № 266-FZ [On amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of the Russian Federation on Administrative Offences": Federal Law of July 29, 2017, No. 266-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 31 (I). Art. 4815.
30. Russian Federation. (2002) O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. Ot 13.07.2020) [On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ (as amended on 13 July 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 43. Art. 4190.
31. Consultant.ru. (2017) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 06, 2017, No.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
32. Consultant.ru. (2016) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2016, No. 308-ES16-1475 in Case No. A53-885/2014.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
33. Consultant.ru. (2017) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 11, 2017, No. 301-ES17-4784 in Case No. A38-1381/2016.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
34. Consultant.ru. (2018) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2018, No. 304-ES18-14031 in Case No. A81-7027/2016.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
35. Consultant.ru. (2012) *Overview of judicial practice in resolving disputes related to the establishment in bankruptcy procedures of the claims of the controlling debtor and persons affiliated with him (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 29, 2020).* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).

Received: 13 September 2020